

ПОД ЗОЛОТЫМ КУПОЛОМ

Смолкли последние аккорды государственного гимна. И сразу же зазвучали слова молитвы, усиленные десятками репродукторов. В двух огромных залах, выходящих во внутренний двор дворца Истана Нурул Иман, тысячи гостей, облаченных в белое, сидели за праздничными столами, сведя раскрытые к небу ладони.

В тот же самый миг, когда было произнесено первое слово молитвы, невесть откуда взявшаяся огромная бабочка принялась порхать над красным ковром, отделявшим оркестр от входа в малый пиршественный зал. Туда удалилась персона, ради которой собрались эти тысячи в белом, в честь которой читались строки Корана.

Бабочка *куну-куну*, которую можно было принять за небольшую птицу, выделявала сложные пируэты, возносясь все выше к сложенному углом своду, расцвеченному множеством ламп.

Танец бабочки, продолжавшийся все то время, пока муфтий произносил молитвословие в честь хлебосольного хозяина, вызвал у меня ассоциацию совсем с иными местами и с иной эпохой. Древние греки верили, что бабочка связана с Артемидой, одной из самых почитаемых богинь. И если она залетала в Артемисион (тот, что сожжен Геростратом), это истолковывалось как знак особого благоволения божества.

Монаршая чета направляется на банкет

Конечно, мусульмане ничего такого в мыслях не держат. Но уж очень соблазнительной показалась мне такая аналогия. Ведь битый час я просидел возле оркестра, ожидая появления самодержца, и ни одно существо не потревожило покой пространства над внутренним двором, накрытым звездным небом.

Оркестр зазвучал вновь, заглушая звон посуды и гомон голосов. Одна приятная европейская пьеса сменяла другую. Изредка они перемежались восточной мелодией. Вентиляторы бесшумно нагнетали в залы освежающий «туман пустыни». Сотни официантов сновали меж длинных столов, обслуживая избранное общество.

Впрочем, не такое уж избранное — на подобные приемы во дворце приглашают пять-шесть тысяч человек. Если учесть, что численность населения страны составляет менее полумиллиона, то можно сказать, что Истана Нурул Иман вмещает всех заметных людей...

Разноцветные снопы салюта взмыли в черное небо над дворцом, отразились тысячами вспышек на огромном золотом куполе, вознесшемся над крышами дворца. Гости с достоинством рассаживались по представительским «БМВ» и «Ягуарам». Бесконечная вереница лимузинов ползла среди роскошных кокосовых пальм, расцвеченных иллюминацией. Так каждый год заканчивается 15 июля. В этот день в 1946 году появился на свет Хаджи Хассанал Болкиах Муизаддин Ваддаула, Янг Ди-Пертуан и Султан Брунея-Даруссалама.

Заканчивается день, но не День Рождения Посланного Богом (так переводится малайское Янг Ди-Пертуан). Ибо страна будет праздновать это событие целых два месяца.

На следующий день ожидалось прибытие султана в дистрикт (округ) Тембуронг, поэтому рано утром я отправился туда, чтобы увидеть, как монарх общается с простым народом. Едва ли не все население округа собралось на местном стадионе. Когда султан прибыл на вертолете и занял место на небольшой трибуне, началось костюмированное представление. Руководитель администрации дистрикта зачитал доклад о достигнутом за год. Команды атлетов померялись силами в перетягивании каната (считается национальным видом спорта). Наградив спортсменов, глава государства в сопровождении членов семьи направился к народу. Выстроившиеся огромным каре под полотняными навесами подданные получили возможность пожать руку султану. Он никому не отказывает: иному просто позволяет коснуться себя, другому повезет приложиться лбом к монаршей длани, а третьему удастся получить автограф.

Переезжая из дистрикта в дистрикт, обходя ряды подданных на очередном приеме, султан за несколько недель обменяется рукопожатием с большей частью на-

Народная монархия

селения Брунея. И такие ритуальные объезды градов и весей султаната повторяются из года в год. Это важная составляющая работы монарха. И не самая легкая.

По завершении месячного мусульманского поста (рамадан) страна отмечает главный религиозный праздник — Хари Райя (то же что у наших мусульман Ураза-Байрам). Вереницы людей тянутся во дворец Нурул Иман, чтобы обменяться приветствиями с султаном и его родней. Здесь в эти торжественные дни пройдет почти четверть населения Брунея.

Таковы видимые проявления философии MIB (Melayu Islam Beraja), которая является идеологической базой одной из немногих оставшихся на земле абсолютных монархий. Почти полный аналог известной российской формулы «православие, самодержавие и народность» переводится: «малайская исламская монархия». Это основополагающее триединство, считают в Брунее, в зна-

чительной степени обеспечивает стабильность и процветание маленькой страны. Окруженный со всех сторон территорией Малайзии, говорящий на одном языке с соседними странами, имеющий с ними общую культуру и единую историческую судьбу, султанат сохраняет, тем не менее, большое своеобразие. На фоне утраты своего лица многими, даже большими странами, здесь продолжают жить традиции государственности, произрастающие на фундаменте уже угасших культур и форм жизни. Брунейский феномен не понять, не ознакомившись с личностью человека, который в решающей степени определяет направление развития страны.

Султан... Тысячи фотопортретов и многочисленные видеорепортажи дают представление об облике этого крепкого, подтянутого человека с военной выправкой.

*Султан Омар Али Сайфулдин III с сыновьями Хассаналом (слева)
и Мохаммедом*

Но они не позволяют узнать его характер, взгляды, принципы. Чтобы в полной мере уяснить все это, недостаточно даже прочесть его выступления и статьи о нем, опубликованные по всему свету. Потому что речь идет не просто о человеке, но о лидере, олицетворяющем многовековую путь Брунея. Приблизиться к пониманию этой личности сможешь, только получив представление о взрастившей его династии. А ее история почти столь же продолжительна, как история государства.

В годы учения будущего монарха приобщали к тем ценностям, которые послужили основой строительства султаната и обеспечили его выживание. Именно в дни его юности поколение молодых учителей-малайцев приобрело огромное влияние на людей всех возрастов, но прежде всего на своих учеников, проповедуя идеи национализма на примерах богатой и славной истории. Вслед за наставниками переживая события прошлого, дети впитывали убеждение о минувшем величии и неизбежном возрождении. Конечно, сегодня трудно воссоздать ту атмосферу исторического энтузиазма, которая определяла сознание молодежи в странах Юго-Восточной Азии в эпоху крушения колониальных империй. Но если мы хотим понять становление мировоззрения султана, мы обязаны пролистать летопись минувшего в той последовательности, в какой знакомился с нею принц Хассанал Болкиах, когда ему еще предстояло стать наследником престола и самодержцем. Хотя Бруней и находился тогда под иностранным протекторатом, его система образования далеко не во всем повторяла британскую. Дети, посещавшие школу, знакомились с историей своей страны. Его Величество султан отметил эту особенность национальных учебных программ, отвечая на вопрос автора этой книги: «Формально образование в Брунее на-

чалось с открытия первой народной малайской школы в 1914 году в городе Бруней. С годами школ и учащихся становилось больше, чему способствовало открытие китайским сообществом своей школы в 1916 году. С тех пор история всегда входила в школьную программу. Предметов в школах много: от истории династии до истории развития Брунея с начала XIX века».

Любознательный отрок узнавал о минувших веках могущества и славы Брунея не только от наставников. Для его отца, султана Омара Али Сайфуддина прошлое Брунея было предметом гордости и почитания, это отношение он передал и своим детям.

СРЕДИ ХИЩНИКОВ

Остров Борнео, на котором расположен султанат, с глубокой древности находился в сфере влияния мощной китайской цивилизации, а позднее испытал и воздействие индийской культуры. Следы этого сохранились в языке и обычаях, хотя, начиная с XIV века, определяющим стало влияние ислама. Это новое для региона вероучение принесли арабские купцы и проповедники. Мало-помалу один за другим правители государств Юго-Восточной Азии начали принимать веру Мухаммеда, и к тому времени, когда в восточной части Индийского океана появились португальцы, почти все недавние раджи стали именовать себя султанами. Что и определило накал противостояния с пришельцами.

В северной части Борнео государство сложилось более тысячи лет назад, его правители признавали себя вассалами то Китая (о чем сохранились сведения в анналах династии Сун), то могучей империи Маджапахит, ядром которой была Ява. Основателя нынешней династии звали Аванг Алак Бетатар, он правил в конце XIV — начале XV века; по мнению брунейских историков, после женитьбы на принцессе Джохора, где уже исповедовали ислам, он также принял новую веру и стал именоваться Мухаммед Шах. Его сын Ахмад выдал дочь замуж за Шарифа Али — араба, прибывшего из Таифа (неподалеку от Мекки), которого считают потомком

Пророка. (Он происходит из той ветви, которая берет начало с внука Мухаммеда Хасана.) Поскольку у второго султана не осталось сыновей, на трон взошел его зять. Этому третьему султану историки ставят в заслугу строительство первой мечети в Брунее. Но особым почитанием в стране окружено имя пятого султана Болкиаха. Он получил прозвище «Поющего султана» (Находа Рагам), так как имел обыкновение во время своих поездок распевать песни под аккомпанемент барабана. А путешествовал он много, так как владения его простирались на весь Борнео и на добрую часть сегодняшних Филиппин (по-малайски их называли Пак-Пак).

В годы его правления (1485–1524) регион Юго-Восточной Азии пережил драматические события, связанные с вторжением португальцев. Обладая значительным

Вид Брунея. Старинная гравюра

преимуществом в вооружении, их огромные маневренные корабли громили флотилии местных правителей, бомбардировали приморские крепости и селения, а затем высаживали десанты мушкетеров для их захвата. Экспансия маленькой европейской страны развивалась очень быстро. Адмирал Васко да Гама был первым европейцем, приведшим свои парусники в Индийский океан. Это произошло в начале 1498 года. А уже в 1511 году пала Малакка, богатейший портовый город, через который шла торговля между Индией и Китаем, Таиландом и другими странами. Поставив под контроль Малаккский пролив, португальцы вознамерились получать все выгоды от исключительно благоприятного расположения своего нового владения близ торговых путей. Но это отчасти способствовало и процветанию Брунея, так как маршруты коммерческого мореплавания отклонились к югу, чтобы обойти Малакку и выйти в Индийский океан между Суматрой и Явой.

Время правления султана Болкиаха считают золотым веком Брунея. Посетивший его дворец участник первой кругосветной экспедиции Магеллана оставил выразительное свидетельство о богатстве принимавшего его монарха. Спутники мореплавателя произносили название острова почти так же, как подданные султана: Бурне. Но постепенно имя Бруней вошло в европейские языки в еще более искаженной форме: Борнео. Хотя султанат, давший имя огромному острову, становился все меньше, пока не сжался до двух небольших полосок земли, едва заметных на карте Юго-Восточной Азии.

Превращение могущественного государства в крохотный протекторат европейской империи заняло несколько веков. Поначалу, когда в Южных морях хозяйничали португальцы и испанцы, султанам Брунея удавалось сдерживать их натиск. Богатство страны привлекало

хищные взоры, однако осознание ее силы до поры до времени предотвращало прямые нападения. Но по мере того как Испания устанавливала контроль над островами архипелага, лежащего северо-восточнее Борнео, ее аппетиты становились все больше. В 1543 году группа островов получила название в честь короля Филиппа II. Подчинение Филиппин шло нелегко, особенно в южной части, где население было мусульманским. Ислам на эти острова принесли проповедники из Брунея, они продолжали прибывать сюда и после формального объявления всего архипелага собственностью испанской короны.

Особенностью португальской и испанской колонизации было стремление обратить местное население в христианство. Новая религия насаждалась не только убеждением, но и насилием. Мусульман католическое духовенство и власти рассматривали как врагов, именуя их приверженцами «секты Махомы». Это было как бы продолжение многовековой Реконквисты, в ходе которой были отвоеваны у арабов земли христианских королевств, захваченные последователями Мухаммеда в пору стремительного роста Халифата. Изгнав «мавров» с Иберийского полуострова, европейские рыцари словно бы оказались не у дел, поэтому экспансия в заморские земли, населенные мусульманами, рассматривалась ими не только как продолжение многовековой борьбы, но и как возможность обогатиться.

Первоначальной целью первых искателей наживы были Острова Пряностей, слухи о которых много веков будоражили воображение европейцев. Цены на перец, гвоздику, мускатный орех и корицу на рынках тогдашнего христианского мира были огромные, а вся торговая цепочка находилась в руках мусульманских купцов. Желание самим завладеть маршрутами доставки пряностей, а значит и получить источник невиданного обо-

гашения, привело к тому, что уже с первых лет своего пребывания в Индийском океане португальцы принялись захватывать важнейшие порты, стали строить крепости, под защитой которых располагались гарнизоны, и все дальше продвигались с запада на восток.

Испанцы «опоздали» на несколько десятилетий. Но к Островам Пряностей все же успели подобраться с другой стороны — с востока через Тихий океан. Филиппины стали их основной базой в Юго-Восточной Азии. Владения султана Брунея оказались у них на дороге. На островах Сулу, примыкавших с юга к Филиппинам, правил другой султан, зять брунейского монарха, получивший в дар также северную часть Борнео (сегодня это территория Сабаха, входящего в Малайзию).

Испанцы видели одной из главных задач своей экспансии распространение христианства, поэтому рассматривали исламских правителей как главное препятствие. В 1578 году, вскоре после установления контроля над большей частью Филиппин, губернатор колонии направил мощную армаду к берегам Брунея. Под жерлами ее пушек султану было предложено установить «дружбу» с королем Испании и принять предложение о протекторате. Кроме того, в письме, переданном послом, прибывшим с флагманского корабля во дворец, содержалось требование допустить беспрепятственную деятельность католических миссионеров и в то же время отказаться от любых действий по распространению исламского вероучения. Когда султан не ответил на унижительные предложения, начался обстрел города на воде, в котором проживало около 25 тысяч семей. Захватив и разграбив дворец султана, предав огню мечеть, испанцы разместили в городе гарнизон и начали строительство крепости. Но закрепиться в Брунее не смогли. Султан и его воины скрылись в джунглях и подвер-

гали пришельцев постоянным нападениям. Не пробыв в разоренной столице и года, испанцы эвакуировались на Филиппины, объяснив свою неудачу неподходящим климатом, из-за которого солдат косили непонятные болезни. С тех пор они не повторяли попыток подчинить Бруней.

Большим успехом закончились усилия других колонизаторов, пришедших на смену испанцам. Они действовали значительно осторожнее, постепенно отгрызая куски территории и суверенитета восточных держав. Это были британцы, начавшие строить свою империю на столетие позднее, чем испанцы и португальцы. Чтобы вытеснить конкурентов, они применяли более изощренную тактику, стремились использовать противоречия между местными правителями, вели захваты «по доверенности» неправительственными структурами. Особенно ярко это проявилось в делах Ост-Индской компании, сделавшейся своего рода государством в государстве. Обладая огромными богатствами, позволявшими

Кампонг Айер – поселение на воде

содержать частную армию, «торговый дом» под покровительством британской короны вел захватнические войны и подрывную деятельность на половине земного шара. Со временем маски были сброшены, и правящий класс Британии стал открыто распоряжаться судьбами чужих земель. Но именно на Борнео до последних дней колониальной империи сохранилась завуалированная форма управления.

В 40-х годах XIX века на остров прибыл некто Джеймс Брук, отставной военный, искавший возможности обогатиться тем или иным способом. Он попробовал себя в разных сомнительных предприятиях, но успеха добился только в том, что умел лучше всего: убивать. Эта профессия была давно востребована на Востоке, где местные царьки и князья вели бесконечные войны друг с другом. Им очень пригодились авантюристы, ринувшиеся в богатый регион из Европы. Сначала это были португальцы, затем появились испанцы, а потом кого только не увидели страны Юго-Восточной Азии — французы, немцы, голландцы, австрийские подданные. Филиппу де Брито и Никоте, занявшему при араканском дворе (сегодняшняя Мьянма) положение вице-короля, пришлось заплатить головой за свои интриги. Себастьян Тибан, самозванный король Сандвипа, местности на границе Бенгалии и Бирмы, едва унес ноги из приютившей его страны. Греческий авантюрист Констанций Фалькон, достигший громадного влияния на службе у короля Сиам, в конце концов был приговорен к смерти сиамским судом.

Как и во всех прочих колониальных аферах, британцы оказались куда изощреннее — возможно потому, что пришли на Восток позднее других и смогли извлечь уроки из опыта своих предшественников. Во всяком случае, в отличие от авантюристов прошлого, только подданному Ее Величества королевы Виктории удалось

стать настоящим раджей и основать династию. Его история имеет прямое отношение к судьбе Брунея, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Вероятно, малайская поговорка «Где море, там и пираты», была справедлива уже в те времена. Джеймс Брук объявил себя специалистом по борьбе с морскими разбойниками и в таком качестве предложил свои услуги султану, в чьх обширных владениях в северной части Борнео было немало укромных мест, где базировались пираты. По-видимому, у бравого вояки имелись солидные рекомендации, ведь не каждому доверят такое важное дело. Имея в своем распоряжении военный корабль с опытной командой, мистер Брук принялся за наведение порядка. Даяки, выходившие в море на утлых *прау*, не могли противостоять такой грозной силе и начали реже выбираться из своих речных убежищ; на море стало спокойнее.

Та часть владений малайского монарха, которая находилась вблизи Сингапура, главного опорного пункта Британской империи в этом регионе, представляла стратегический интерес для Лондона. И борьба с пиратством давала удобный повод для установления контроля над обоими берегами широкого пролива, разделявшего Борнео и Малаккский полуостров. По этой акватории проходили важнейшие торговые пути в Китай и Японию. Наверное, поэтому мистеру Бруку, бывшему всего лишь частным лицом, был предоставлен многопушечный фрегат с командой.

Воспользовавшись борьбой за власть между членами правящей семьи, Брук сумел добиться признания за собой сначала статуса губернатора, а затем и объявить себя раджей — независимым правителем Саравака, западной части владений султана. Таким образом с ним расплатился за поддержку *пенгиран* (принц) Муда Ха-

шим, ранее управлявший этой областью, а затем ставший первым министром.

Британец оказался очень цепким партнером, старавшемся при всяком удобном случае захватить новые куски территории султаната. Так же действовал и его преемник Чарльз Брук. Было ясно, что аппетит «белого раджи» на этом не удовлетворится, и его целью стало полное поглощение угасающего государства. В отчаянной попытке спастись от настигающего Бруней хищника, султаны, сменявшие один другого, стали искать защиты у Британской империи. В декабре 1846 года Омар Али Сайфуддин II отдал ей остров Лабуан у входа в Брунейский залив (при этом раджа Джеймс Брук оказался еще и губернатором этой стратегически важной территории), а в 1888 году унаследовавший власть Хашим Джалиль Алам подписал договор о протекторате, согласно которому передал Лондону контроль над своими внешними связями и обороной. Впрочем, протекторат не спас от еще одной потери. В 1890 году, воспользовавшись продолжавшимися несколько лет беспорядками среди местных племен, отказавшихся платить подати султану, Чарльз Брук присоединил к своим владениям земли по реке Лимбанг, наиболее населенный плодородный район Брунея. В результате территория султаната оказалась разрезана на два анклава, сообщение между которыми стало возможно только по воде.

Восточная часть владений султаната сделалась объектом экспансии еще одной группы сомнительных дельцов. В 1877 году султан Мумин подписал договор с бароном Овербеком, австрийским подданным, прибывшим из Гонконга. Согласно этому документу обширные территории передавались в управление созданной для этой цели Компании Северного Борнео, которую финансировали британцы — братья Дент. Одновременно

с этим Овербек подписал аналогичный договор с султаном Сулу, который считал территории, расположенные далее к востоку, своими (и получал налоги со здешнего населения). Таким образом компания стала хозяйкой обширного края, сегодня известного как Сабах.

За ничтожные отступные, которые предложил британский резидент (5 тысяч фунтов в год), у Брунея фактически отняли земли, принадлежавшие ему несколько столетий. Но восстановить свои права силой султан не мог, даже если бы и захотел. Ведь к этому времени он перешел под протекторат Британской империи, и в его ведении остались только внутренние дела, а позднее круг его полномочий был ограничен потребностями отправления мусульманской религии и местными обычаями. С 1906 года в дополнительном соглашении к договору о протекторате султан обязался принимать к исполнению советы британского агента, назначаемого верховным комиссаром в Сингапуре.

История возвышения Брука и его потомков это не только страница прошлого Брунея, но она определяет многое в сегодняшних отношениях султаната с его соседями.

Можно представить, какие чувства вызывали рассказы о подобных сделках, которыми пестрит история утверждения колониальных империй на землях древних государств, обладавших утонченной культурой, но оказавшихся беспомощными перед лицом превосходящей силы. В первые десятилетия после Второй мировой войны происходил бурный рост национализма во всех странах Юго-Восточной Азии. Не будет преувеличением предположить, что при изложении событий, подобных «эпопее» Брука, размеренное, спокойное повествование учителя истории, привычно расхаживавшего перед

учениками, становилось взволнованным, прерывистым. Что это волнение передалось многим из отроков, сидевших за партами. И особенно действовало на Хассанала Болкиаха, старшего сына брунейского правителя Омара Али Сайфуддина. Ведь история расцвета династии «белых раджей» стала и хроникой упадка его родины...

В музее Бандар-Сери-Бегавана выставлены копии договоров султанов Брунея с европейскими искателями удачи. Без комментариев. Но вряд ли они нужны для человека, живущего во втором десятилетии XXI века — сам воздух столетия не тот, каким был в те дни, когда создавались эти договоры. Сегодня за предложение подписаться под подобной бумажкой получишь резкую отповедь. А в межгосударственных отношениях — хорошо, если дело ограничится разрывом дипломатических связей. Но XIX век был временем безусловного торжества Запада — одна страна за другой становились данниками европейских держав. К тому времени, когда Бруки принялись дерзко откусывать куски брунейских владений, превыше всех вознеслась Британия, ставшая, по сути дела, единственной на земле сверхдержавой (хотя термин этот в те времена не употреблялся). Уже пали могущественные индийские государства, такие как Майсур и Голконда. Превратились в марионеток европейских хозяев еще недавно сильные и богатые султанаты Суматры, Явы, буддийские королевства Индокитая. Даже великий Китай, тысячелетиями признаваемый за сюзерена всех правителей Юго-Восточной Азии, стал объектом хищнической эксплуатации. Что мог в таких условиях противопоставить ползучей агрессии ослабевший и обедневший Бруней? Обедневший до такой степени, что соглашался на уступку своих земель в обмен на смехотворные суммы ежегодных дотаций со стороны Брита-

нии (в договорах указывались размеры такого «вспомоществования»: 1000 фунтов стерлингов, 1500 долларов).

История не оставила Брунею иного выхода, чем принять навязываемый Лондоном протекторат. Что еще не делало страну колонией, хотя лишало ее правителя значительной части суверенитета. Но это болезненное для национального достоинства развитие имело и положительное последствие — оно предотвратило полную деградацию государства. Британцам удобно было оставаться в тени, ибо все указы, определявшие жизнь султаната, издавались от имени монарха. Будущее показало, что возрождение стало возможно именно потому, что сохранилась традиционная форма власти. Хотя малайские учителя, воодушевленные примером Индонезии, обрушивались с критикой на колонизаторов, не все были восприимчивы к их пропаганде.

Когда юный Хассанал начал понимать, что означает форма государственного устройства, при которой ему довелось вырасти, протекторат в значительной степени утратил те унизительные черты, которые были свойственны этой разновидности колониализма. Произшедшие перемены в мире заставили европейские державы отказаться от грубой модели вмешательства в дела управления зависимыми странами, искать способы более мягкого и завуалированного господства...

Последние территориальные потери Бруней понес за шестьдесят лет до рождения принца Хассанала. В результате султанат стали рассматривать как угасающий реликт прошлого и, лишенный источников доходов, он постепенно мог стать заурядной частью британских колониальных владений. Но, как видно, свыше ему была уготована совсем не жалкая судьба. На том

крохотном клочке земли, который остался у султана, были обнаружены гигантские запасы нефти, вскоре превратившие обнищавшую страну в одну из самых богатых на планете.

Рассвет эры нефти пришелся на начало XX века. Борьба за первенство на морях и океанах между великими державами положила конец господству дредноутов, во чреве которых день и ночь в поту трудились кочегары, поминутно швырявшие в огнедышащие жерла печей уголь, горами громоздившийся в трюмах. Паровые котлы на нефтяном топливе оказались куда производительнее, скорость и маневренность судов заметно возросли. Последней битвой угольных монстров было сражение русского и японского флотов в Цусимском проливе весной 1905 года. В преддверии Первой мировой войны Британия спешно переводила свои корабли на нефть, соответственно увеличился ее интерес к установлению контроля над странами, где уже были известны месторождения «черного золота», резко возросли масштабы геологоразведочных работ в тех регионах, которые рассматривались жизненно важными для поддержания боеспособности флота империи.

Англо-голландская «Шелл» обнаружила запасы нефти на востоке Борнео в самом конце XIX века. Это сразу изменило отношение британцев к далекому протекторату, почти утратившему стратегическое значение после передачи империи острова Лабуан, на котором была размещена военно-морская база. В 1911 году начались разведочные работы на территории султаната, 18 лет спустя они увенчались успехом — было открыто богатое месторождение в местности Сериа. Если бы это произошло раньше, то Брунею скорее всего пришлось бы распространиться и с теми территориями, где производилось бурение. Но после Первой мировой войны методы